

Сов. писатель - 1990 - 24 марта - с. 9

ТРИ СЛОВА

Роберт Л. ДЖЕКСОН,
 президент Международного Чеховского общества,
 профессор Йельского университета

Три ключевых слова ведут к Чехову и озаряют для меня морально-философское значение этого писателя в наши дни — понимание, ответственность, связь.

«Не смеяться, не плакать, а понимать», — сказал великий философ Спиноза. Чехов тоже никогда не позволял себе смеяться или плакать над жизнью, людьми или судьбой. Здесь он отличается от своих героев и героинь. Недаром слово «понимать» играет такую важную роль в словаре Чехова, например, в «Чайке» или в рассказе «Гусев». Чехов всегда стремился к пониманию и призывал нас прежде всего к пониманию самих себя. У него не было ненависти ни к отдельным людям, ни к народам, и всю жизнь он боролся с предрассудками. Он призывал в нас самих, а не в ком-либо другом, искать источники наших личных и общественных бедствий. «Я все потерял. Она меня не любит, я уже не могу писать... пропали все надежды...» — жалуется Треплев в «Чайке». — «Не отчаивайся... Все обойдется. Я сейчас увезу его, она опять тебя полюбит», — говорит ему Мама. Нет, ничего не

обойдется. По крайней мере само по себе — выхода не будет, пока Костя не поймет, что причина упадка его творческих сил коренится не в Нине, не в Тригорине и не в Матери, а в нем самом — в его самолюбии, неуверенности в себе и самонепонимании.

Перейдем к сфере общественной. Во время дела Дрейфуса во Франции Чехов написал Суворину:

«Такие глубоко неуважаемые люди, как Дрюмон, высоко подняли голову; заварилась мало-помалу каша на почве антисемитизма, на почве, от которой пахнет бойней. Когда в нас что-нибудь неладно, то мы ищем причин вне нас и скоро находим: «Это француз гадит, это жида, это Вильгельм...» Капитал, жупел, масоны, синдикат, иезуиты — это призраки, но зато как они облегчают наше беспокойство! Они, конечно, дурной знак. Раз французы заговорили о жидках, о синдикате, то это значит, что они чувствуют себя неладно, что в них завелся червь, что они нуждаются в этих призраках, чтобы успокоить взбаламученную совесть». Чехов понял, что ис-

кать источник бедствий вне себя — это дурной знак. Это означает, что морально-общественное сознание, здравый смысл, понимание — то есть те силы, которые защищают нас от окончательного несчастья, уже поражены болезнью. Вот что русский философ Николай Бердяев имел в виду, когда писал, что антисемитские погромы вообще — показатель страшной слабости, неспособности и высшей степени «бездарности». Я не знаю, любил ли Чехов особенно поляков, немцев, французов, американцев, японцев, евреев или даже русских как таковых, то есть за их национальность, сомневаюсь. Но в одном я уверен: у него не было ни следа слабости, неспособности или бездарности. Не писал ли он, что он «выдавливал из себя по капле раба»? И если бы это было сказано не о себе — тем лучше. Ведь это наше общее дело: прежде всего уважать себя и таким образом уважать других. Искоренить наконец эту страшную самосжигающую злость бессилия.

Творчество Чехова, как олицетворенная память, объединяет прошлое, настоящее и будущее, придает нашей жизни чувство единства со всем человечеством, с высшими стремлениями наших предков и с еще нерожденными надеждами и мечтами тех, кто последует за нами, тех, кто будет, как путешественники в «Степи», взирать на вечное удаляющийся горизонт.